

Юрий Клиценко

ЗАПИСКИ В.В. КОНЕВСКОГО О ЭКСПЕДИЦИИ НА РЕКУ БОЛЬШОЙ ПИТ

Вниманию читателей предлагаются фрагменты из «Дневника экскурсии Енисейского районного естественно-исторического и бытового музея на реку Большой Пит», написанного Владимиром Вячеславовичем Коневским в 1929 году.

В.В. Коневский, ссыльный скаутмастер из Нижнего Новгорода, в 1928-1934 годах работал в краеведческом музее г. Енисейска, а в 1933-1936 служил на судах Енисейской базы Главного управления северного морского пути.

Экспедиция на лодке «Аэлита» по реке Большой Пит изучала природные ресурсы, экономику и этнографию района, собирала коллекции для музея. Научно-исследовательской программой руководил Николай Александрович Кытманов (1890–1931), сын Александра Игнатьевича Кытманова (1858–1910), в 1883 году основавшего и возглавившего краеведческий музей Енисейска. Особенно впечатляющим этнографическим итогом экспедиции 1929 года стали материалы обследования заброшенного стойбища эвенков, в центре которого находился шаманский чум, отличавшийся большим размером и обилием деревянных изображений. Устройство шаманского чума эвенков реки Большой Пит имеет сходство с аналогичными постройками эвенков Сыма и Подкаменной Тунгуски.



В. В. Коневский. Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П 9632. Л. 32



Большой Пит. Лодки у зимовья Лаптенко КККМ НЭГ 5976

Романтические интонации дневника Коневского отражают его первый опыт соприкосновения с миром «таежных тайн», «сказочности» и «каменных великанов». «Что заставило эвенков бросить становище?» — удивлялся нижегородец, в то время еще мало знакомый с обычаями лесных кочевников. Шаманские чумы являлись одноразовыми сооружениями: религия эвенков запрещала посещать места, где однажды происходило большое шаманское камлание.

При этом восприятие Коневским реки Большой Пит имеет сходство с эвенкийским. «Седые, старые великаны утесы задумчиво слушают рокот неугомонного быстрого и буйного Пита... Были у очень красивых скал, состоящих из слюдяного сланца желтовато-золотистого цвета. Как будто какие-то гиганты сказочные, закованные в блестящие латы», — писал Коневский.

Подобно эвенкам, Коневский читал Большой Пит как книгу и слышал песни дикой природы. Утесы и скалы р. Большой Пит в воображении эвенков представлялись окаменевшими сценами из жизни легендарного шамана Намури. «Образ великого шамана все видит и знает, живет жизнью своего народа и только перед рассветом

каменеет. Так одухотворена здесь природа, и местность наполнена фантомами воображения в самых причудливых сочетаниях», — писал К. М. Рычков о мифах питско-варагонских эвенков.

Особенностью дневниковых записей Коневского является использование приема сопоставления зрительных впечатлений со звуковыми и «одушевление» природы. «Поют струи свою песню, понятную только тайге, что придвинулась и слушает рокот, звон и пенье струй Пита». А «пение» Енисея Коневский отождествляет с «Баркаролой» Чайковского.

В Архиве города Енисейска находятся три рукописи В. В. Коневского: «Дневник экскурсии Енисейского районного естественно-исторического и бытового музея на реку Большой Пит», «Отчетный очерк экскурсии Енисейского районного музея на реку Большой Пит» и «Описание тунгусского необитаемого становища на реку Большой Пит, обнаруженного 21.VIII.1929 г. экскурсией Енисейского районного музея» (Отчеты сотрудников музея о научных командировках и исследовательской работе 1928–1929 гг., АГЕ Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 54). Цитируемый ниже дневник является наиболее подробным описанием путешествия.



Шаманский чум эвенков на реке Большой Пит, 1929 год — ЕКМ КП 2777/2

«20.VIII. Прошедшая ночь была своеобразно красива. Ночевали мы на опушке тайги, идущей в гору. Перед нами, на другом берегу, сравнительно небольшая гора. Левее от нас, на том же берегу, где был наш лагерь — высокие скалы, провалы, голые утесы. Пит делает широкий изгиб. Течение тихое. Глубоко. Поэтому непривычная тишина, не слышать шума вспененных волн на камнях. Стало вечереть. С гор сполз белый призрачный клубящийся туман. Он медленно плыл, клубился. Цеплялся за вершины кедров, лиственниц, пихт, косматых елей. Вот где-то там в тущобе среди зубцов, утесов и скал загукал филин. Его крик эхом отдавался в горах. Что-то древнее, сказочное было в его криках. Кругом,

за сотни верст, глухая непроходимая чаща, тайга. С гор ползет туман, сыростью и холодом веет из щетиных падей. Сумрачные утесы смотрят в потемневшие волны Пита. А там, где-то в глуши, среди осыпей обомшелых скал, где-нибудь на утесе, среди чащи кедров и пихт, сидит он — большой, жуткий, круглоглазый. Забился с самую чащу, глушь. И гукает, ухает, точно заклинания бормочет или таежную тайну рассказывает. А когда луна пронзила колеблющиеся волны тумана, дымчатые легкие тучи, изтенину леса, утесы и скалы, стало совсем таинственно, сказочно кругом... Долго-долго гукал филин. Ему откликнулся другой. А над костром легким призраком скользила сова...

21.VIII. Утром после завтрака отправились на другую сторону Пита в тайгу для осмотра тунгусского становища. Вечером у Лаптенко мы выяснили, что на другой стороне находится брошенное становище тунгусов с чумом шамана. И вот решили осмотреть его... Очень странную картину представляет это оставленное становище среди глухо шумящей тайги. Сомкнулись над ним вершины гигантов сосен, обступили кустарники, травы постепенно овладевают им. Тишина, пустыня кругом. Глухо шумит тайга, иногда резко цокнет бурундук, и снова тишина, тишина. Когда-то под этими соснами слышалась гортанная речь, мелькали пестрые костюмы, струился синий дым костров... Сейчас же глухой рокот вершин, резкие крики дятла, журчание небольшой речонки и все... Как будто живы тени ушедших людей. Что их заставило бросить это становище? Сфотографировав становище и измерив его, отобрав несколько изображений богов для музея, отправились назад к Питу. По дороге нашли еще одно становище, из семи чумов, также необитаемое.

23.VIII. Русло Пита очень мелкое и каменистое. Крепко садились на мель. Два раза пришлось раздеваться и тащить лодку на себе. Вода холодная, жгучая. В воздухе тоже довольно свежо. Здорово бодрит подобное «купание». Смерклось. Так как решили сегодня ночевать на Брянке, идем в темноте. Горы как бы сдвинулись, река почернела. Лес слился с общим

темным фоном. Высоко над головой яркими точками мелькают звезды. Кругом мрак. Кажется, остановилось и время, и движение, и сама жизнь. Равномерно хлопают весла. Темные массивы обступили, окружили со всех сторон. Тишина. Мрак. Похоже, что все живое вымерло на земле, и мы единственные обитатели нашей угасшей старушки. Вдруг: хрррр-ш-ш-ш-ш, т-ррр... Стоп! Стоим, мимо со звонким журчанием несется вода, лодка колеблется как бы в раздумье. Но ни с места. Снова сели. Толкаемся веслами, шестом. Раскачиваем лодку. Напрасно. Сидим крепко. Гм, единственный исход. Разуваемся, обнажаемся и в черную мглу. Точно иголки в тело. Брррр! Сразу отрезвешь, почувствуешь, что ты на Питу именно, а не на угасшей планете. Возились долго, тащили, пихали лодку. Наконец попали на глубокое место. Снова заработали весла, снова мы растворяемся в темноте. За поворотом лают собаки. Брянка! Отдых и тепло...

30-31.VIII. Лесистые яры оказались сказочно красивой скалой, вернее яром. Стенки этого яра идут отвесно в воду. И окрашены в густо-красный цвет. По его поверхности растут сосны. Яркие зеленые ветви, красные, густо-красного оттенка стены, идущие прямо в воду. Вода отсвечивает розовым. Кажется, что она окрашена так же, как и стенки этого яра. В рамке хвойного леса, на фоне воды, имеющей нежно-розовый оттенок эти красные стены производили чарующее впечатление.



Большой Пит. Скала «Шаман Намури» («Монах на Каитьбе»). Фото М. Сороки

В 9 часов утра «Аэлита» вышла в Енисей, еще раз стукнули весла и... прощай Пит! Прощайте седые утесы с их дикой красотой. Тропы таежные, ведущие к становищам лесных людей. Вечная красота природы. Прощай вся своеобразная, со своими законами и обычаями и своей прелестью таежная жизнь и тайга. Впереди путь по Енисею 3-4 дня и город со всем ему принадлежащим и знакомым, известным «тем-же». Там, позади, горы, тайга, шум буйного Пита, пороги, мели, грохот Таврикуля. зимовщики.

Дикая, красивая и нетронутая тайга. Остались позади покинутое становище, хмурые утесы, скалы-крепости, крики гусей. И все-все, что так влекло... и влечет сейчас. Да, я еще сильнее чувствую желание вновь прикоснуться к этой нетронутой природе. Вновь встречать солнце под пенье струй Пита и рокот вершин лесных гигантов. Впереди Енисей, там город, и скоро уже наша поездка будет лишь воспоминанием. Позади медвежья тропы, колдующий филин. Все это далеко-далеко позади».

